

К Р О К О Д И Л

№ 22 МОСКВА 30 ИЮНЯ 1945

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ГОД ИЗДАНИЯ XXIV

ЦЕНА НОМЕРА — 1 РУБ. 20 КОП.

Рис. М. Черемных

— Теперь у нас в колхозе прибавится ещё один старший механик
— Кто?
— Муж нашего старшего механика.

Рис. Бор. Ефимова

— На что жалуетесь, пан Арцишевский?
— У меня был тяжёлый процесс.
— В лёгких?
— Нет, в Москве.

ДВА ПАНА

(ПОЧТИ ИЗ ГЕЙНЕ)

Арцишевский и Рачкевич
(Этих панов знает всякий)
Паном Гитлером ценились
Как «лояльные поляки».

Не брюзжа, не претендуя
На Бреславль, на Гдыню с Гданском,
Пребывали оба пана
В настроях пан-германском.

Но теперь (кой-кем забыто
То, что делалось ранее)
Их прошедшее сокрыто
В чёрном лондонском тумане.

И над будущим нависло
Небо серое, как пемза...
Это всё-таки не Висла,
А «подвисленная» Темза!

Позабыв о старопанских
Расточительных замашках,
Проживали оба пана
В захудалых мебелишках.

Дом «правительства» не пышен,
Но зато квартира эта
Ряд удобств своих имела —
Вроде близости клозета.

Но зато квартирка эта,
Пусть глядевшая убого,
Им не стоила ни злата —
Это, в сущности, немного.

Да, не стоила ни злата:
Бескорыстно или с целью,
Мистер Икс платил за панов
Восемь шиллингов в неделю.

Леди Зет, как патронесса,
Их кафтанам снабжала.
Снисходительная пресса
Их подштанники стирала.

Что ж до пищи — положение
Тоже не было плачевно:
«Ленч» и «брекфест» оба пана
Получали ежедневно:

Ростбиф, кекс и кашу — «порич»
(Две больших, две полных миски),
А вместо польской старки
Пили английскую виски.

Стол и дом — чего уж больше!
Это, право же, немало...
Одного — «майонтка» в Польше —
Двум друзьям не доставало.

Да, «правительство» страдало
От беды — малоземелья,
Правя Польшею в границах
Тесной комнатки отеля.

Паны ссорились. В припадке
Политического сплина
Пан Рачкевич молвил другу:
«Пан есть кризиса причина».

Но «премьер», ответа вздохом,
Показал кулак в кармане
И сказал: «Як бога кохам,
Вы один виновны, пане!»

И, как шляхтичи-рубачи,
Паны в бой пошли — и вскоре
Весь отель дрожал от драки
В новом «польском коридоре».

А потом облобызались
В знак того, что кровно близки,
И «за будущее Польши»
Пили английскую виски:

— Пусть, по лондонской привычке,
Небо хмурится злое...
Есть в Британии поляки!
Будем пить! Затянем «Еще...»

Паны выпили немало
И с мелодии сбивались —
И над Темзою звучало:
— «Еще... Дейчланд ибер аллес!»

Эмиль КРОТКИЙ

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

ИНВЕРКЕЙСИНГ (Шотландия). Как стало известно, военное командование польского эмигрантского правительства в Лондоне перевело часть своей армии на лагерное положение: значительное число солдат и офицеров, пожалавших возвратиться на родину, заключено в здешний концлагерь.

ЛОНДОН. Как сообщают в здешних литературных кругах, бывший гитлеровский гаулейтер в Австрии поэт Бальдур фон Ширах перешёл на прозу: сидит в тюрьме и пишет показания.

СТОКГОЛЬМ. По техническому недосмотру шведских властей интернированные здесь немцы помещаются в замок, вместо того, чтобы быть помещёнными под замок. Неправильное ударение продолжается.

БРЮССЕЛЬ. В связи с опубликованием в бельгийской печати факсимиле телеграммы Гитлера королю Леопольду, в которой фюрер благодарит за поздравление с днём рождения, в придворных сферах заявляют, что: во-первых, никакой приветственной телеграммы Гитлеру не посылалось; во-вторых, ответ на неё пришёл с большим запозданием и, в-третьих, в связи со слухами о смерти Гитлера всякие разговоры о дне его рождения являются неактуальными.

ПИСЬМО

Заместителю председателя
Исполнительного комитета Киевского
райсовета депутатов трудящихся г. Москвы
тов. САЛОВУ

Секретарю Исполнительного комитета
Киевского райсовета депутатов
трудящихся г. Москвы
тов. САВИНУ

Пламенный привет, дорогие товарищи!

В первых строках своего письма приношу свои искренние извинения за моё длительное молчание.

Ей-ей, я не забыл вас — отгоните прочь всякие сомнения на этот счёт и не верьте нащёптываниям людей, которые попытались бы нас поссорить.

Не писал вам до сих пор лишь потому, что был занят другими неотложными делами. И как только появилась у меня свободная минута, я тут же твёрдо решил: дай-ка черкну с глубоким уважением несколько слов гг. Салову и Савину.

Тем более что я считаю своим долгом уведомить о нижеследующем: обманули вас. И, хотя я проживаю не в Киевском, а в Краснопресненском районе, тем не менее готов из добрососедских отношений охранять и беречь, как зеницу ока, ваш авторитет.

А о том, что вас ввели в заблуждение, я, к ужасу своему, убедился, прочитав ваше сочинение под заглавием «Справка прокурору РСФСР» (издание 1944 года, неисправленное).

В оном коротеньком, но содержательном сочинении, между прочим, сказано:

«Исполнительный комитет Киевского райсовета депутатов трудящихся сообщает, что квартира по ул. Загородный двор 15а на Потылихе... была обследована».

Это, так сказать, — вступление, увертюра. Вслед за этим вы, авторы справки, грустным голосом добавляете, что вышеозначенная и вышеобследованная квартира

«была в состоянии полного разрушения вследствие происходящих бомбёжек».

Дорогие товарищи Салов и Савин! Судя по всему, те нехорошие люди, которые обманули вас, либо повели вас не на Потылиху, а на другую улицу, где торчал разрушенный остов какого-нибудь сторевого домика, либо вам показали старинную открытку с изображением развалин Помпеи. А вы по доброте своей сердечной и по доверчивости спутали Помпею с Потылихой и подмахнули справку о том, что дом 15а по улице Загородный двор на Потылихе превращён в руины.

Осмелюсь доложить, товарищ заместитель и товарищ секретарь, что этот дом цел и невредим. О чём свидетельствуют другие авторитетные источники.

Штаб противовоздушной обороны Киевского района сообщает очень решительно:

«Дом 15а по адресу Потылиха, Загородный двор, в списках пострадавших от налёта вражеской авиации не числится».

Не менее решительно и следующее заявление:

«Обследованием, произведённым Жилищным управлением Мосгорисполкома, установлено, что квартиры в доме № 15а по Загородному двору совершенно целы и не пострадали от налётов вражеской авиации и не требуют никакого ремонта».

— так пишет начальник технического отдела Жилищного управления. Кому же понадобилось создать шумную Помпею на тихой Потылихе?

Жили-были в Москве две гражданки. Одна из них обитала на Гоголевском бульваре, дом № 11, кв. 4; другая — на Потылихе, Загородный двор, 15а.

Вздумалось жилищному отделу Киевского района облагодетельствовать гражданку с Потылихи и поселить её в центре города, на Гоголевском бульваре, дом № 11, кв. 4. Но как это сделать?

Очень просто — нужны лишь канцелярские принадлежности. Долго ли написать бумажку, что на Потылихе дом рухнул от бомбёжек и пострадавшая жилища остро нуждается в квартире?

И пошла эта бумажка щеголять по судам и прочим инстанциям...

Итак, действие с Потылихи перенесено на Гоголевский бульвар. А там сидит на бронзовом пьедестале Николай Васильевич Гоголь и, наблюдая, что происходит сейчас в районе дома № 11, вспоминает разговор из своей «Пропавшей грамоты»:

— «Ге-ге! да это не по-казацки! А чем ты кроешь, земляк?

— Как — чем? Козырями!

— Может быть, по-вашему это и козыри, только по-нашему нет!..»

Нет, фальшивые бумажки недолго ходят в козырях. Может быть, гражданке с Потылихи и надо улучшить жилищные условия. Но почему это делается за счёт гражданки с Гоголевского бульвара? И почему надо было подводить вас, гг. Салов и Савин, заставляя вас играть не в свои козыри? Ге-ге! Да это не по-казацки...

Вот всё, о чём я хотел вас предупредить. Не благодарите: я только выполнил свой долг.

Надеюсь в следующем письме сообщить вам что-нибудь более приятное.

Обнимаю и крепко жму.

Г. РЫКЛИН

ПРЕСТУПНИКИ МИРА

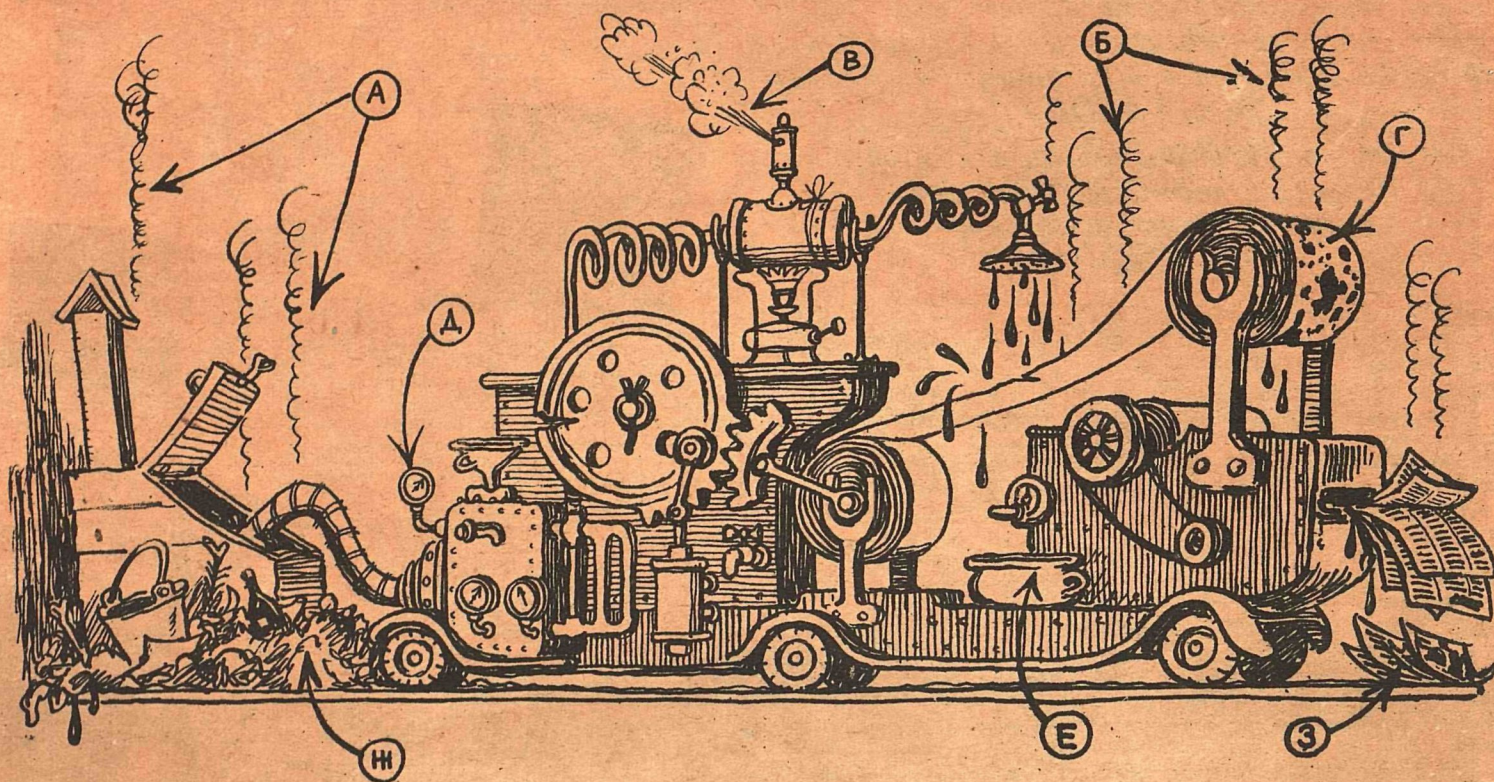
Реакционный американский журналист Джеральд Смит выступает с клеветническими лекциями против Советского Союза и Объединённых Наций.

Рис. К. Елисеєва

- Чем занимается мистер Смит?
- Вернулся к своей мирной профессии.
- Какой?
- Разжигает новую войну.

Рис. Г. Валька

Нашему сотруднику удалось зарисовать с натуры тот «авторитетный источник», из которого черпают информацию о СССР некоторые зарубежные газеты. На рисунке (слева направо и наоборот): а) источник как таковой и то, что из него истекает; б) конденсатор клеветы; в) регулятор скорости слухов; г) вал Л. Ж. И.; д) дерьмометр Херста; е) пресс «Наврайтед пресс»; ж) клеветин, скандалин и прочее сырьё; з) готовая продукция, или «из авторитетного источника сообщают...»

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Недавно из Москвы уехали к себе на родину французские лётчики боевой истребительной части «Нормандия». Накануне их отъезда наш сотрудник взял интервью у французского лётчика лейтенанта Марселя Перэн. Ниже мы воспроизводим сокращённую стенограмму этой беседы.

Сотрудник: — Вас интервьюирует Крокодил.

Перэн: — Очень рад беседовать с обителем Нила, тем более что мы с вами, в известной мере, коллеги. Ведь и от меня и от вас порой доставалось немцам.

Сотрудник: — Кто вас ждёт во Франции?

Перэн: — Родина и невеста. С обеими меня разлучили немцы.

Сотрудник: — Скажите, пожалуйста: какие это у вас ордена?

Перэн: — Вы на радио, случайно, не работаете?

Сотрудник: — Нет. А что?

Перэн: — Вы задаёте вопросы так, как их обычно задают радиointервьюеры. Они, я убеждён, слепые, ибо всегда добиваются, чтобы вслух было сказано то, что и без ответа видно и понятно. Отвечаю... Вот это орден Боевого Красного знамени. Вот это орден Отечественной войны I степени, вот это орден Красной звезды, вот это медаль «За победу над Германией», а вот это два французских ордена.

Сотрудник: — Ого!

Перэн: — Что «ого»? Вон мой поваринчик де ля Пуап имеет ещё орден Ленина и Золотую звезду Героя!..

Сотрудник: — Сколько немецких самолётов вы сбили?

Перэн: — Тринадцать.

Сотрудник: — Говорят, что это — несчастливое число.

Перэн: — Совершенно с вами согласен. Для немцев.

Сотрудник: — Что вы хотите сказать нашим читателям?

Перэн: — Пусть каждый читатель скажет себе всё самое хорошее, что он хотел бы услышать, и пусть считает, что это сказал я. Ошибки не произойдёт.

Сотрудник: — Вы знаете о том, что Испания согласилась выдать Лавала Франции?

Перэн: — Да. Мы уже обсуждали, как его казнить, и пришли к выводу, что для того, чтобы он яснее понял глубину своего падения, необходимо сбросить его с Эйфелевой башни.

Сотрудник: — Вы давно не видели Парижа?

Перэн: — Наоборот. Мы его видели всё время. Из-под Курска он был нам виден довольно отчётливо, ну а из Пруссии — тем более.

Сотрудник: — Скажите, пожалуйста: немцы вас сбивали хоть раз?

Перэн: — Они хотели, но я им не позволил.

Сотрудник: — Большое спасибо за интервью. Передайте привет Крокодилу свободному Парижу.

Перэн: — Спасибо. Но мы просим Крокодила не забывать, что во Франции ещё существуют и те, кто всегда был пищей Крокодила; не забывайте о них и бейте их, как вы их били до сих пор.

Сотрудник (скромно потупясь): — Спасибо. Будьте уверены!

Записал Вас. АРДАМАТСКИЙ

ОДНАЖДЫ...

ВОЛЬТЕР ПРИЗНАЕТ ОШИБКУ

Однажды к Вольтеру зашёл в гости знакомый и упомянул, что он только что встретил одного из знаменитых литературных современников.

— А, — заметил Вольтер, — это талантливый человек с превосходным характером.

— Очень благородно с вашей стороны так говорить о нём, — сказал гость, — потому что он отозвался о вас как о зловредной старой развалине.

— Что ж, — улыбнулся Вольтер, — видимо, мы оба ошибаемся...

ПРИБАВКА ЗА ВРЕДНОСТЬ

Однажды жена миллионера Вандербильда пригласила знаменитого музыканта Крейсера сыграть для её гостей. Предусмотрительно осведомившись о величине гонорара, она была неприятно поражена суммой в 5 тысяч долларов и с неудовольствием согласилась, высокомерно сказав:

— Но имейте в виду, что вам не следует общаться с гостями.

— В таком случае, мадам, мой гонорар будет только 2 тысячи долларов, — учтиво ответил Крейсер.

УСЛУЖЛИВЫЙ МЕДВЕДЬ

Однажды на торжественном открытии сезона в Ньюйоркской филармонии симфонический оркестр под управлением знаменитого Стоковского исполнял «Леонору» Бетховена. В двух местах этого музыкального произведения должен был прозвучать за сценой большой турецкий барабан. Однако барабан безмолствовал. С последними звуками оркестра взбешенный Стоковский, мечя громы и молнии, устремился за кулисы. Он увидел там оркестранта, беспомощно барахтавшегося в объятиях рослого пожарника, который твердил:

— Я вам повторяю, что сейчас нельзя поднимать такой чертовский шум. На сцене идёт концерт!

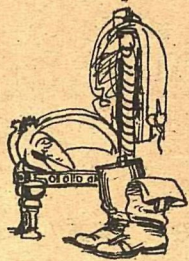
В бане

(ГЛАВА ИЗ ПОЭМЫ «ВАСИЛИЙ ТЕРКИН»)

На околице войны,
В глубине Германии,
Баня! Что там Сандуны
С остальными банями!

На чужбине — отчий дом —
Баня натуральная.
По порядку поведём
Нашу речь похвальную.

Дом ли, замок — всё равно —
Дело безобманное:
Банный пар занёс окно
Пеленой туманною.

Стулья графские стоят
Вдоль стены в предбаннике.
Снял подштанники солдат,
Докурил без паники.

Докурил, рубаху с плеч
Тащит через голову.
Про солдата в бане речь —
Поглядим на голого.

Невысок, да грудь вперёд
И в кости надёжен.
Телом бел: который год
Загорал в одежде.

И хоть нет сейчас на нём
Форменных регалий,
Что знаком солдат с огнём,
Сразу б угадали.

Подивились бы спроста,
Что остался целым:
Припечатана звезда
На живом, на белом.

Неровна, зато красна,
Впрямь подстать награде,
Пусть не спереди она —
На лопатке, сзади.

С головы до ног мельком
Осмотреть атлета:
Там ещё рубец стручком,
Там иная мета.

Знаки точно письма
Памятной страницы.
Тут и Ельня, и Десна,
И родная сторона
В строку с границей.

Столько вёрст и столько вех,
Не забыть иную...
Но разделся человек,
Так идёт в парную.

Он идёт, но как идёт,
Проследим сторонкой,
Так ступает, точно лёд
Под ногами тонкий.

Будто делает с трудом
Шаг — и непременно:
— Ух, ты! — мякает, притом
Шурится блаженно.

Говор, плеск, весёлый гул,
Капли с потных сводов...
Ищет, руки протянув,
Прежде пар, чем воду.

Пар бодает в потолок,
Ну-ка, с ходу на полки!

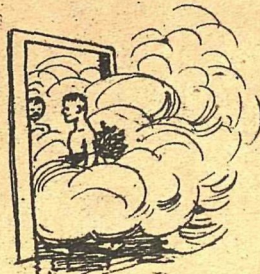
В жизни мирной или бранной,
У любого рубежа,
Благодарны ласке банной
Наше тело и душа.

Ничего, что ты природой
Самый русский человек,
А берёшь для бани воду
Из чужих, далёких рек.

Много хуже для здоровья,
По зиме ли, по весне,
Возле речек Подмосковья
Мыться в бане на войне.

— Ну-ка, ты, псковской,
елецкий,
Иль ещё какой земляк,
Зачерпни воды немецкой,
Да уважь, плесни черпак!

Не жалея, добавь на пфенниг.
А теперь — погладить швы,
Дайте, хлопцы, русский веник,
Даже если он с Литвы.

Честь и слава помпохозу,
Снаряжавшему обоз,
Что советскую берёзу
Аж за Кёнигсберг завёз!

Эй, славяне, что с Кубани,
С Дона, с Волги, с Иртыша,
Занимай высоты в бане,
Закрепляйся неспеша.

До того, друзья, отлично
Так-то встать, не торопясь,
Парить веником привычным
Заграничный пот и грязь.

Пар на славу, молодецкий,
Мокрым доскам горячо.
Ну-ка, где ты, друг елецкий,
Кинь гвардейскую ещё.

Кинь ещё, а мы освоим,
С прежней дачей заодно.
Вот теперь спасибо, воин,
Отдыхай! Теперь — оно!

Кто не нашей подготовки,
Того с полу-на полки
Не втянуть и на верёвке —
Разве только через блок.

Нет куда, куда, куда там,
Хоть кому, кому, кому,
Братся париться с солдатом —
Даже чорту самому.

Пусть он жиловатый парень,
Да такими вряд ли он,
Как солдат, жарями жарен
И морозами печён.

Пусть он в общем тёртый малый,
Хоть понятно, чорта нет.
Да поди сюда, пожалуй,
Так узнаешь, где тот свет.

На полке, полке, что тёсан
Мастерами на войне,
Ходит веник жарким чёсом
По малиновой спине.

Человек поёт и стонет,
Просит:
— Гуще нагнетай!
Стонет, стонет, а не донят:
— Дай! Дай! Дай! Дай!

Не допариться в охоту,
В меру тела для бойца —
Всё равно, что немца с ходу
Не доделать до конца.

Нет, тесни его, чтоб вскоре
Опрокинуть навзничь в море.
А который на земле, —
Истолочь живьём в котле.

Чем томиться долгой нудью,
Налегай, пока не вся.
И вздохнёшь свободно грудью,
Точно с полем убирался.

И за всю войну впервые
Немца нет перед тобой.
В честь победы огневые
Грянут следом за Москвой.

Грянет залп многоголосый,
Заглушая шум волн.
И пошли стволы, колёса
На другой конец войны.

С песней тронулись колонны
Не в последний ли поход?
И ладонью запылённой
Сам солдат слезу утрёт.

Кто-то свистнет, гикнет кто-то,
Грусть растает, как дымок.
И война — не та работа,
Если праздник недалёк.

И война — не та работа,
Ясно даже простаку,
Если по три самолёта
В помощь придано штыку.

И не те как будто люди,
И во всём иная статья,
Если танков и орудий
Сверх того, что негде статья...

Сила силе доказала:
Сила силе — не ровня.
Есть металл прочней металла,
Есть огонь страшней огня.

Быют Берлину у заставы
Судный час часы Москвы...

А покамест суд да справа,
Пропотел солдат на славу,
Кость прогрел, разгладил швы,
Новый с ног до головы —
И слезай, кончай забаву...

А внизу — иной уют,
В душевой и ванной
Завершает голый люд
Банный труд желанный.

Тот упарился, а тот
Борется с истомой.
Номер первый спину трёт
Номеру второму.

Тот, механик и знаток,
У светца хлопочет,
Тот макушку мылит впрок,
Тот мозоли мочит.

Тот платочек носовой —
Свой трофей карманный —
Моет мыльною водой,
Дармовою, банной.

Ну, а наш слегка остыл,
И конец лежанке.
В шайке пену нарастил,
Обработал фронт и тыл,
Не забыл про фланги.
Быстро сладил с остальным,
Обдался и вылез.

И невольно вслед за ним
Все поторопились.

Не за тем, чтоб он стоял
Выше в смысле чина,
А за тем, что жизни дал
На полке мужчине.

Любит русский человек
Праздник силы всякий.
Оттого и хлеще всех
Он в труде и драке.

И в привычке у него
Издавна, извечно
За любое удалство
Уважать сердечно.

И с почтеньем все глядят,
Как опять без паники,
Неспеша надел солдат
Новые подштанники.

Неспеша надел штаны
И почти что новые,
С точки зренья старшины,
Сапоги керзовые.

В гимнастёрку влез солдат,
А на гимнастёрке —
Ордена, медали в ряд
Разным пламенем горят...
— Закупил их, что ли, брат,
Разом в военторге?

Тот стоит во всей красе,
Занят самокруткой.
— Это что! Ещё не все, —
Метит шуткой в шутку.
— Любо-дорого. А где ж
Те, мол, остальные?..

— Где последний свой рубеж
Держит немец ныне...

И едва простился он,
Как бойцы в восторге
Вслед вздохнули:
— Ну, силён!
— Всё равно что Тёркин.

А. ТВАРДОВСКИЙ

Иллюстрация А. Каневского

МЫСЛИ В ЗНОЙ

И холодному сапожнику летом жарко.

Загар подобен краске стыда: быстро сходит.

Быть шляпой можно и зимой и летом.

Дачные романы — не для толстых журналов: они — без продолжения.

Шиповник витаминозен, но колется.

На дачу со своими клопами не ездят.

Не ищи теневой стороны! Ты не критик.

Тень, падающая на репутацию, не спасает от зноя.

Купайся в море, но не подражай ему: не волнуйся!

Если утопающий хватается за соломинку, это значит, что на водной станции нет спасательных кругов.

Играя в футбол, не калечи своего противника: он пригодится тебе для следующего матча.

Ответить ударом можно на каждый удар, кроме солнечного.

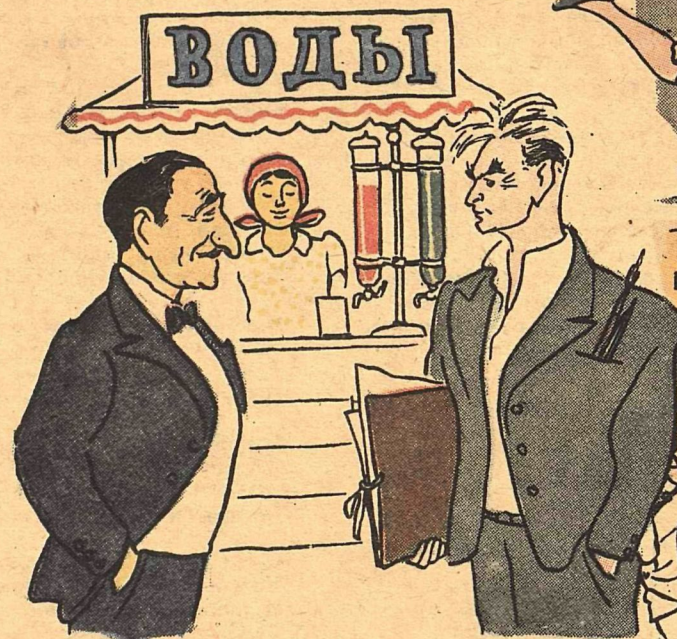
Готовь летом сани, но торгуй ими зимой. Поступать наоборот — не оперативно.

Рис. И. Семёнова.

ВСЯКОМУ ОВОЩУ
СВОЕ ВРЕМЯ

— Не торопись! Вот-вот закуска подрастёт...

Когда человек плохо красит платье...

МЫТАРСТВА САТИРИКОВ

— Вода есть?
— Есть.
— Сироп есть?
— Есть.
— Про что же мы тогда будем делать летнюю карикатуру?

ПОСЛЕ И

— Не толкайтесь, граждане!

Послевоенный роман

В ДЕНЬ Победы Катя Туркова надела лучшее платье и, не дождавшись подруг, которые обещали зайти за ней к вечеру, пошла одна побродить по весёлым улицам Москвы. Солнце уже давно зашло. На улице посвежело. Но в счастливом катином возрасте показаниям зеркала верят куда больше, чем всем предупреждениям градусника, календаря и барометра, и Катя пренебрегла пальто. Было тут ещё одно обстоятельство, обнаружить которое помешало бы пальто: не надевать же полосатую зелёно-красную колодку с медалью «За оборону Москвы» поверх демисезона...

И, любуясь радужной игрой лучей и ракет, Катя не без гордости вспоминала, как она вместе со своими дружинницами стояла на крыше энского объекта под тревожным московским небом осенью сорок первого года. Всё-таки страшновато было иной раз, теперь уже можно признаться... Конечно, в те дни Катя и виду не подавала, что боится. Едва услышав в репродукторе бередающий душу, навсегда запомнившийся, требовательно оповещающий голос: «Граждане! Воздушная тревога!» — она первой мчалась на чердак, нахлобучив пожарную каску. Каска была ей непомерно велика, приходилось подкладывать под неё ватный колпак с бабушкиного чайника. Над головой скрещивались блуждающие столбы прожекторов, и где-то высоко в небе злое урчал невидимый фашист. И всё казалось, что он бросит бомбу именно на ту крышу, где дежурит Катя... И действительно, однажды Катю чуть не скинуло с крыши взрывной волной от близко грохнувшей фугаски.

Зато как красива была сейчас Москва, накрытая исполинской корзиной, сплетённой из алых, фиолетовых, голубых лучей! Сердце Кати колотилось под медалью. Внезапно она почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Она украдкой покосилась в эту сторону и тотчас заметила высокого, ещё очень молодого человека в военной форме. Он глаз не спускал с Кати. В другое время Катя бы резко отвернулась, надменно дернув плечиком и метнув через него взгляд, уничтожающий всякие надежды. Но сегодня все в

Москве были добрыми знакомыми. И Катя захотелось поделиться своим восторгом с этим симпатичным военным.

— Правда, хорошо как! — сказала она, на всякий случай чуточку в сторону. — Прелесты! В жизни такого не видела.

— И я в жизни такой не видал! — с несколько чрезмерным рвением согласился незнакомец, продолжая смотреть на Катю.

— Да нет! Куда вы смотрите... вон куда глядите! Скорее... Видите!

Чтобы увидеть, на что именно показывает Катя, незнакомец быстро шагнул к ней, стал позади, пригнулся так, что глаза его оказались на одном уровне с катиными. Он слишком поспешил, а Кате очень хотелось, чтоб он увидел цветные огни, сыпавшиеся с самолётов. Словом, они столкнулись висками — Катя и незнакомец.

— Ох, простите! Как это я так, — пробормотал он, искренно смущившись. — Ну зато теперь я отлично видел ракеты, на которые вы показывали... Хотя, возможно, что это были искры, которые у меня из глаз посыпались...

Он виновато потёр висок. Катя рассмеялась, и он тоже от души расхохотался. Они гуляли потом до ночи, до того самого часа, который вчера ещё назывался комендантским часом. За это время Катя узнала, что она познакомилась с Сергеем Петровичем Уколовым, он служит в одном из военных ансамблей песни и пляски и, если она не возражает, может достать билеты на ближайший концерт Утёсова. Она не возражала, но, условившись на прощание о встрече, всё же из осторожности не дала своего служебного телефона: сказала, что повреждена линия... Мало ли что...

На концерте они были. А через день пошли вместе в кино. А потом стали встречаться почти ежедневно. И вскоре она уже верила каждому его слову и в душе ждала, что он, наконец, скажет то слово, которому всегда хочется верить больше, чем всем иным. Вот пришёл срок и для этого. Провожая её из театра, Сергей Петрович оказал нерешительно:

— Катя, мне надо было бы сказать вам кое-что... Очень важное... Впрочем, нет... Я лучше в другой раз... Хотя, простите, я лучше это по телефону. Надеюсь, у вас исправили линию? Дайте мне, наконец, ваш номер, я вам позвоню завтра.

МЫСЛИ В ЗНОЙ

Нет пива без недолгия.

Мороженое и годы охлаждают человека.

Не ходи воровать на чужой огород, в это время обворуют твой.

В романе много воды, но автор купается не в ней. Он купается в славе!

Если тебе скучно в Парке культуры,— иди в Нескучный сад! Веселее от этого не станет.

Учитывать трудодни в доме отдыха — дело сугубо праздное.

На трамвайной площадке не демонстрируй силы своих мышц. Для этого есть спортплощадки.

Протекающая крыша требует текущего ремонта. Это особенно ясно в дождь.

Деревья в «Эрмитаже» меняют листву ежегодно. Репертуар «Эрмитажа» меняется не столь часто.

Работая с прохладцей, не оправдывайся жарою. При наличии прохладительных напитков сие не убедительно.

Если дождь идёт вопреки прогнозу Бюро погоды,— не верь... дождю!

И ещё раз: не волнуйся! Ты — не море.

М. ЯКОВЛЕВ

ВОВКА ОТДЫХАЕТ

— Отпусти сейчас же! Вот узнают в школе и влепят тебе единицу за поведение!
— А я не боюсь!.. Теперь каникулы!..

ВЕЧНОЕ ИСКУССТВО

— Ну, вот мы опять себя чувствуем как до войны. Правда?
— Конечно. Та же программа.

АТЧА

Игра уже кончилась!..

И он впервые позвонил ей. Катю Туркову позвали к телефону. Она так лновалась, что, схватив обеими руками трубку, прижала её сперва к груди и долго не решалась поднести к уху. И вот она услышала слова, которые ей ещё никогда в жизни ни по телефону, ни так никто не говорил. Но тут какая-то странная, недобрая тревога взбредила её. Голос Сергея Петровича показался чужим и в то же время неясно знакомым, словно она слышала его давным-давно при каких-то дурных обстоятельствах, грозивших бедой.

— Так что же вы мне ответите, Катя! — взывал к ней этот далёкий голос, от которого Катю уже начинало трясти.

— Я, Сергей Петрович... Нет, знаете... Лучше, правда, не надо... Лучше...

Катя слышала, как Уколов вздохнул и повесил трубку.

Когда она шла с работы, он встретил её за первым же углом:

— Катя, если я вас чем-то обидел, простите... Может быть, я не имел права. Хорошо, я больше не буду говорить и спрашивать...

Катя взглянула на него, прислушалась к его приятному баритону, почувствовала, что верит снова, всему, что он говорит, и теперь уже окончательно ничего не поняла, хотя телефонное наведение кончилось. Они успели пойти куда-то. Но когда он вечером позвонил, всё повторилось: из первых же звуков его голоса в телефоне всё в ней настороженно застало.

— Не звоните мне больше по телефону, — попросила она в отчаянии.

— Ради бога! Что происходит с вами?..

— Ну, честное слово, Сергей Петрович, я сама не понимаю. Какая-то кошмарная я. Всегда мы с вами так хорошо говорили... А как вы поинили по телефону, так меня от одного вашего голоса какой-то страх охватил... Особенно, когда вы стали говорить, что я какая-то такая необыкновенная, воздушная такая, тревожная...

Она услышала вдруг, что он там весело ахнул.

— Катенька, милая! Я, кажется, всё понял. Как же это, дубина, я раньше не сообразил! Это голос мой всему виной! Я ведь до ансамбля диктором работал в штабе ПВО. Это я вам ежедневно жизнь портил своим голосом радио... Это я говорил: «Граждане! Воздушная тревога!»

Теперь Катя сразу узнала этот жёсткий, требовательный, предостерегающий голос, такой знакомый по давним тревожным ночам.

— Так это вы... Почему же, когда вы в жизни говорите, так мне совсем ничего, а как вы станете по телефону, так меня всю тряска начинает?

— Так вы же меня прежде слышали лишь по радио, а по телефону голос звучит примерно так же...

— Нет, — сказала Катя, — вы уж, пожалуйста, говорите мне всегда прямо так, а не по телефону, а то я...

Но тут вмешался некто третий с неуклюжим голосом, далёкий и беспечный, как всякий третий, непрощённо присоединившийся к двоим:

— Слушь-тя! Это откуда вы говорите?.. Это нефтебаза? Слушь-тя! Сапухин там? А? Слушь-тя? Нефтебаза?..

— Какая к чёрту нефтебаза? — гаркнул Уколов голосом, ещё более грозным, чем тот, которым он объявлял воздушную тревогу. — Куда вы звоните? Вы слышите, разговаривают люди. Дайте отбой! Трубку положите, говорю... А я говорю, нет тут никакой нефтебазы. К дьяволу вашего Сапухина! Дайте отбой. Слышите? Отбой!

— Стойте! Стойте! Погодите! — закричала с неожиданной радостью в трубку Катя. — Ещё раз скажите это.

— Что сказать? — изумился Уколов.

— Про то скажите... про отбой...

— Ну, отбой!..

— Милый, — проговорила Катя, — я всему, всему снова верю... Ведь это же тоже вы по радио говорили: «Угроза воздушного нападения миновала. Отбой». Ой, как я вас тогда уже полюбила!.. Ну, то есть не полюбила, но... Ну, скажите всё ещё раз.

— Я люблю вас, Катя...

— Да нет, нет, я не то просила. Про угрозу — миновала скажите.

— Угроза воздушного нападения миновала, — торжественно возвестил Уколов, — отбой!

— Слушь-тя! На кой мне ваш отбой! Это нефтебаза? Сапухин там?.. Но Катя уже чувствовала: все угрозы, все наведения миновали. Отбой!

Лев КАССИЛЬ

Гипноз перламутровых штанов

ЦЕНОЙ неслыханных унижений и крупных материальных затрат Лиза-Элизабет-Бетти Кукина в конце концов добилась своего. За неначенную палочку несмываемой губной помады «Руж-бэзэ», шелковый шарфик и два билета на Вертинского она выменяла у своей подруги Дуси (Долли) настоящего американца. Точнее, не выменяла, а получила напрокат, на один сегодняшний вечер.

Приглашая друзей и знакомых, Бетти выкладывала главный козырь лишь под конец.

— Загляните ко мне завтра вечером, — говорила она по телефону и, как бы невзначай, добавляла, — между прочим, будет один американец. Мой приятель...

И при этих словах сердце её трепетало от сладкой гордости.

В день самого торжества Лиза-Бетти два часа прогуливалась около одной гостиницы, сверяя свою причёску с валиками и завитушками выходящих и выезжающих из гостиницы иностранок. Затем она провела соответствующую подготовительную работу с дипломатически не образованной бабушкой, ещё раз обзвонила приглашённых и принялась за английский язык. За неимением других пособий Лизочка перечитала все надписи на банках от свиной тушонки и других американских консервов и пополнила свой лексикон следующими, необходимыми для непринуждённой беседы словами: «конденс милк» — сгущённое молоко, «мэйд ин Юнайтед Стэйтс оф Америка» — изготовлено в Америке, «суперйор куолиити» — высшее качество — и «порк мит» — свиное мясо.

Конечно, этого запаса могло не хватить, но Элизабет и не собиралась пленять гостей красноречием. Она предполагала главным образом танцевать. Вся интеллектуальная часть вечера, по её мысли, ложилась на Рафу Пенкина, её приятеля, молодого киноработника, известного в их кругу знатока и поклонника Западного полушария.

Рафа одевался только по американским журналам, был завсегдатаем всех просмотров иностранных картин, вполне натурально подражал сафону и великолепно пел под рояль фокстроты, блюзы и свинги, текст которых состоял из рыбьих слов с английским акцентом. Кроме этого Рафа знал все марки сигарет и фамилии всех известных киноактёров и режиссёров Голливуда. Причём он умел произносить эти фамилии и названия одним горлом, так, словно в этот момент глотал целиком крутые яйца.

Со свойственной американцам точностью, ровно в восемь часов вечера явился мистер Гарвей Броун. Он был более чем великолепен. Его аккуратно причёсанная голова блестела, как лакированная. Что же касается брюк — светлосерых, свободных наверху и узких внизу, то, раз увидев их, никто уже не мог отвести от них глаз.

— Гри-перл, — слабо простонала Лиза-Элизабет.

— Что? — переспросил Рафа.

— Настоящий гри-перл. Цвет. Серо-перламутровый...

Говорят, что есть способ гипноза, при котором объект приходит в сомнамбулическое состояние, пристально и неотрывно созерцая блестящий стеклянный шарик. Перламутровые штаны американца произвели на Лизочку и её гостей аналогичное действие.

— Видал? — прошептала Долли своему мужу, пожилому мужчине, в игривых не по возрасту брюках-гольф. — У нас этого не умеют.

— Конечно, милочка, — поспешил согласиться доллин муж. — Где уж нам!

Тем временем Рафа, согласно плану, начал овладевать застольной беседой. Он достал коробку «Казбека» и предложил гостю папиросу:

— Конечно, не «Лаки страйк» и не «Камэл», но всё же прошу... Плиз... Курите? Ту смок.

Американец с явным удовольствием взял «Казбек» и, беспрерывно сверкая ослепительной улыбкой, быстро-быстро заговорил. Из его речи Рафа уловил только, что русские папиросы гости устраивают.

— Ничего, — снисходительно согласился Рафа. — Качество приличное. Лиза-Элизабет поняла, что настал её час.

— Суперйор куолиити, — сказала она, проявив свою консервную эрудицию.

— О! Бьютифел! — пришёл в восторг американец и громко захохотал.

— Очаровательно! — перевёл Рафа.

— Какая непринуждённость! — печально прошептала Долли. — Какое веселье! Нет, у нас этого не умеют...

В этот момент вошла бабушка с пирогами.

— Здравствуйте, — сказала подготовленная старушка, а затем, обернувшись к американцу, отчётливо приветствовала его: — Хэлло вам! Восторг был всеобщий. Больше всех ликовал сам мистер Броун.

— Обрати внимание на зубы, — прошептала Долли, уцепившись под столом своего супруга. — Разве у нас бывают такие зубы!

— Что ты, милочка, откуда? — с готовностью согласился доллин муж. — У нас такие зубы не растут. Не тот климат.

Гипноз продолжал действовать в течение всего ужина. Рафа пересылал свою речь различными «корпорейшн», «конферейшн», «мобилизейшн» и был уверен, что говорит «по-американски».

Осмеявшая Лиза-Элизабет тоже уловила минуту и, улыбаясь гостя колбасой, сказала: «Порк мит», — выложив таким образом вторую цитату из «Свиной тушонки».

Потом все наперебой начали хвалить американский сервис, американские моды, американские фильмы, а доллин муж, чтобы угодить супруге, сразу же похвалил даже американских гангстеров.

Американец улыбался, кивал и налегал на пироги. Дуся-Долли, напротив, ничего не ела, вздыхала и каждый раз, когда говорили про Америку, выкатывала глаза и с грустью произносила:

— Нет, нет, у нас этого не умеют.

Гипноз перламутровых штанов действовал на неё особенно сильно. Потом Рафа сел за пианино, и Дуся-Долли, увидев, как американец танцует с Лизой настоящую «линду», разрыдалась и пригрозила мужу разводом.

УПУЩЕНИЕ В ТОРГОВОЙ СЕТИ

Рис. Л. Бродаты

— Какие дикие порядки в нашем магазине! Можете себе представить: меня не пустили без очереди!..

— Милочка, они всё ещё думают, что вы жена какого-то Сидоркина, в то время как вы давно уже супруга самого Ивана Капитоныча!

После танцев начали прощаться. Сияющая от счастья Лиза-Элизабет с помощью Рафы попыталась выразить чувства симпатии и признательности, обуревавшие её.

— Уи, то есть мы, признательны ю, то есть вам, — начала юна, но американец неожиданно остановил её.

— Не трудитесь, — вдруг сказал он на чистейшем русском языке, — я сам вам очень признателен за отлично проведённый вечер.

— Вы говорите по-русски? — задыхнулась Лизочка. — Значит...

— Одну минуту, — перебил её американец. — Сейчас всё будет ясно. Я ещё раз благодарю вас и прошу извинить меня за маленькую мистификацию. Но я виноват только наполовину. Долли сама приняла меня за иностранца, когда мы с товарищем по институту практиковались в английском языке. И она первая пожелала со мной познакомиться.

— Значит, вы не... — начала было Лиза, но иностранец перебил её:

— Нет, я не американец. Я русский. И ещё, дорогие друзья, я хотел бы вам сказать вот что. Я люблю американцев. Девятого мая я сам качал на Красной площади одного американца и целовался с каким-то английским лейтенантом. Но я горжусь тем, что сейчас во многих иностранных столицах моих соотечественников провожают восторженные взгляды и почтительный шопот: «Смотрите, русский!» Сейчас мы — знатные иностранцы и нас уважают не за перламутровые штаны, не за то, что мы можем подарить пачку сигарет в красивой упаковке, а за то, что мы дарим народам целые города, столицы и страны. Мне кажется, вы забыли об этом, и я рад, что мне удалось преподать вам маленький урок и удалось посмеяться над глупостью и пустотой всей вашей компании. Гуд бай!

— Чтэ? — спросил Рафа по инерции с английским акцентом.

— А как же пробор, брюки, зубы? — недоумённо спросила Дуся-Долли.

— Зубы мои. Отечественные.

«Американец» вежливо приподнял шляпу и уже с порога обернулся к Рафе:

— До свиданья! — сказал юн, улыбаясь, и ушёл.

М. СЛОБОДСКОЙ.

Потухший вулкан

НА БОЛЬШОМ вечере в клубе Союза писателей рядом со мной сел какой-то лысоватый гражданин и, протянув руку, сказал: — Здравствуйте. Давненько не видались. Ну, как работаете? Всё там же?

— Там же, — ответил я, тщетно сясь вспомнить, кто же это такой. — А вы как? Пишете?

Поскольку встреча произошла в клубе писателей, я ничем не рисковал, задавая этот вопрос. Вероятно, и лысоватый гражданин тоже был каким-нибудь служителем муз.

— Нет, не пишу, — ответил он и тут же торопливо добавил, — но печатаюсь.

— Где?

— В газетах. Неужели вам ни разу не попадалась моя фамилия?

— Конечно, попадалась, — храбро соврал я. — И часто. Особенно в последнее время.

— Да, в последнее время я как-то особенно на виду, — улыбнулся служитель муз. — Несколько крупных писателей умерли.

— Что-о? — не понял я.

— Несколько крупных писателей умерли, говорю. А я же больше появляюсь теперь в списках лиц, подписывающих некрологи. Недавно даже в «Правде» напечатался. Читали? На букву «Л». После Лебедева-Кумача, но перед Ляшко.

Последние слова лысоватый гражданин произнёс с заметной гордостью.

Я промолчал, удивлённый тем, что, оказывается, родился какой-то особый покойнико-крематориальный жанр, почему-то не оформленный ещё в специальную творческую секцию Союза писателей.

А сосед тревожно переспросил:

— Разве вы не читали этот некролог? Странно. Буквально все читали...

В его голосе чувствовалось задетое авторское самолюбие.

— Читал, читал! — заторопился я. — Как же! Я всегда внимательно слежу за вашим творчеством. Вы очень выросли. Маршака опередили. Вы на «эл», а он только на «эм».

Таинственный служитель муз облегчённо вздохнул:

— Эх, жаль в последнее время нет литературных юбилеев. Юбиляры как-то притихли.

А то я, бывало, во всех приветственных печатался. Правда, мне нелегко попадать в эти парнасские реестры. Я же не Асеев, которым они обычно начинаются, и не Эренбург, которым заканчиваются. И не Вишневский, Горбатов, Симонов. Этим всегда подпишут, будь они даже за три тыщи километров от Москвы.

Он ещё раз вздохнул. На этот раз с завистью:

— Когда какой-нибудь юбиляр назревает, я уже начеку. Дежурю в Союзе. Главное, быть на месте, когда составляется список. Тут и проскользнёшь.

— А зачем вам, собственно говоря, необходимо проскальзывать? — ничего не понимал я.

— Как зачем? Литератору необходимо печататься.

— Так вы пишете!

Лысоватый гражданин посмотрел на меня так, точно я предложил ему по меньшей мере ходить по канату в цирке под куполом и без сетки.

— Что вы! Это так хлопотливо. Метафоры, фабула, знаки препинания. И потом вдруг не то напишешь.

— А вы пишете «то»!

— А как его угадаешь, что «то», а что «не то», — беспомощно развёл руками сосед. — Нет, нет, так гораздо спокойней. И зачем писать? За Симоновым всё равно не угонишься, а до Фадеева не дотянешься.

— Ну, а слава? Популярность?

— Для популярности не обязательно писать. Для популярности надо мелькать. Всюду мелькать и везде фигурировать.

— И вы мелькаете?

Он посмотрел на меня с удивлением:

— Конечно! Вы, я вижу, абсолютно не в курсе литературной жизни. Я везде. На дискуссии о массовой песне я сидел в президиуме между Сурковым и Исаковским. При обсуждении успехов кара-калпакской прозы я произнёс речь, разоблачающую местный кара-калпакский национализм. Это было отмечено в «Литературной газете». А сейчас я внёс проект организации бульварно-эротической подсекции в детективно-приключенческой секции Союза писателей.

В это время по ряду осторожно протискивался какой-то, видимо, тоже служитель муз с седеющей гривой. Поровнявшись с нашими коленями, он дружески улыбнулся моему соседу.

— Кто этот товарищ? — спросил я.

Лысоватый специалист по уклонам в кара-калпакской литературе в ответ только махнул рукой:

— Бывший писатель. Совсем потухший вулкан.

И назвал фамилию.

Действительно, это был совсем потухший вулкан. Когда-то он извергал лаву, выбрасывая пепел, печатал романы с продолжениями в толстых журналах, покидал ряды «попутчиков» и вступал в РАПП, подмахивал литературные декларации и потом долго и нудно отмежевывался от них.

А теперь он давно уже ничего не пишет и прочно, наглухо забыт публикой. Если же иногда его имя всплывает где-нибудь на поверхности, то все уверены, что этот писатель родился позже Помяловского, но умер раньше Златовратского.

«Интересно, сколько здесь таких потухших, полупотухших или только чающих литературных вулканов?» — подумал я, посмотрев с балкона вниз на море голов.

В большинстве своём это были писатели, поэты, критики, драматурги и прочие наездники старого доброго Пегаса.

Боже мой, если бы каждая из этих творческих единиц более или менее регулярно дарил читателя своей продукцией! Поэт — одним лишь стихотворением в месяц, прозаик — пусть маленьким рассказом или главой из романа, драматург — хотя бы только списком действующих лиц будущей пьесы, критик — злободневной статьёй о хозарском эпосе и лирике времён Всеволода Большое Гнездо.

Каким богатым урожаем заколосилась бы наша литературная низа!

— Да, плохо быть потухшим вулканом, — молвил мой лысоватый сосед, смотря вслед служителю муз с седеющей гривой. — В Литфонде не уважают. В клуб не приглашают. Даже на пленум писателей давали только гостевые билеты без права посещения прений.

— А у вас какой был билет?

— У меня? — удивился он и блеснул велевым картоном с золотым обрезом.

— Но вы же тоже ничего не пишете, — сказал я.

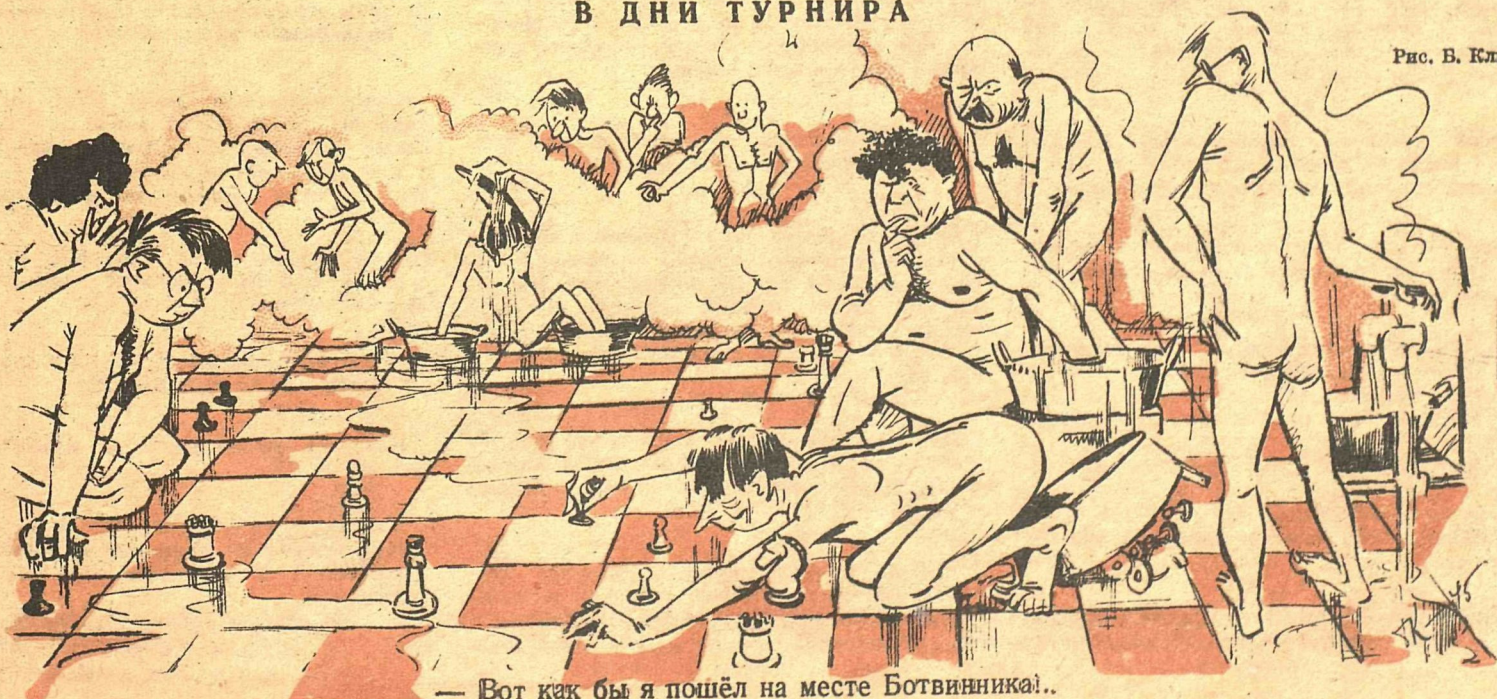
— Я не пишу, но мелькаю, — с достоинством ответил странный писатель. — Ну, в общем, мы заболтались, а сейчас, кажется, уже перерыв. Надо пойти постоять около Тихонова. Наверно, будут фотографировать.

И он устремился вниз, чтобы успеть в перерыве постоять около Тихонова.

Евг. БЕРМОНТ

В ДНИ ТУРНИРА

Рис. В. Клинка

— Вот как бы я пошёл на месте Ботвинника!..

С периферии с отчётом.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

(НЕ ОПУБЛИКОВАННЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ ЗАПИСИ)

Давным-давно какой-то бедняга, страдающий зубной болью, употребил своё время на то, чтобы изобрести немецкий язык.

* * *

Одеваться по широте и долготе. Капитан и старший механик появились сегодня в летних костюмах, потому что приборы показывают 26 градусов широты, хотя погода и не подтверждает этого.

* * *

Браун зовёт свою лошадь «Халеакал» — потухший вулкан, — потому что, если в ней когда-нибудь и был огонь, так задолго до того, как Браун купил её.

* * *

Какой чудесной возможностью обладал Адам! Когда он говорил что-нибудь хорошее, то знал, что никто не говорил этого до него.

* * *

Слава — пар; популярность — случайность; единственное, что неизбежно на земле, — забвение.

* * *

Индейцы обедают с белыми. Один съел полную ложку горчицы. Другой спросил:

— Чего ты плачешь?

— Вспомнил о смерти нашего старого вождя.

Второй съел ложку горчицы. Первый спросил:

— А ты чего плачешь?

— Жалею, что вместо старого вождя не умер ты.

* * *

Если в темноте выстрелить в жену, приняв её за вора, — всегда убьёшь её, но если это

окажется вор, он даже и не будет ранен. Родственников всегда можно убить даже из незаряженного ружья.

* * *

Кто-то сказал: «Остроумие — это неожиданное соединение мыслей, которые до того, казалось, не находятся ни в каких отношениях».

* * *

Человек, верящий в то, что на земле есть другой человек лучше его самого только потому, что он рождён от родителей благородных или королевских кровей, — собака, с собачьей душой и лжец в душе.

* * *

Институт монархии в любой форме есть оскорбление человеческой расы.

* * *

Мы ненавидим критика и думаем о нём, как о грубом и предумышленно несправедливом человеке, но он мог бы отпарировать это обвинение ошеломляющей истиной: «Относительно вашего произведения вы почувствуете то же, что и я, если перечтёте его через десять лет».

* * *

Доктор и его жена не были приняты в общество: он был сыном пекаря и стал доктором благодаря природным дарованиям и тяжёлому труду.

* * *

Рассказ о трусе, который однажды случайно совершил храбрый поступок и затем должен был всю свою жизнь поддерживать эту репутацию. Надпись на памятнике:

«Храбрейшему из храбрых» — заставляет его старых друзей раскрыть мне, постороннему человеку, эту тайну.

* * *

Когда сомневаешься, — говори правду.

* * *

Говоря правду, ничего не приходится запоминать.

* * *

На шее появился карбункул. Энциклопедия говорит, что карбункул — сорт жемчуга. Всегда пренебрегал драгоценностями.

* * *

Отец наказывал меня всего два раза. Однажды он выпорол меня за то, что я сказал неправду. Это страшно удивило меня и показало, как он наивен! Ведь я говорил ему неправду миллион раз до этого.

* * *

Печаль может быть одинокой, но, чтобы оценить всю силу радости, надо разделить её с кем-нибудь.

* * *

Когда вы взбираетесь на гору счастья, да не повстречается вам ваш друг.

* * *

Назовите величайшего из изобретателей: Случай.

* * *

Есть люди, которые могут совершать чудесные и героические дела, кроме одного — воздерживаться от рассказов о своём счастье несчастным.

МАРК ТУЭН.
Перевёл Юрий СМЕРНОВ.

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

По долгу службы гражданин Окорочов заботится о лифтах, по велению души он проявляет отеческую заботу об инвалидах.

Будучи инспектором Котлонадзора, означенный Окорочов как-то проверял состояние лифта в доме № 15-а по Каланчёвской улице и записал в книге актов:

«На всех площадках этажей вывесить плакат, запрещающий проезд на лифте инвалидам».

Видимо, бдительный инспектор учёл, что лифт может заапризничать и затрять между этажами с поднимающимся на нём инвалидом.

Произойдёт конфуз. Станут упрекать в отсутствии чуткости. Нет, уж лучше пусть они ходят пешком.

А. ШУЦКЕВЕР

г. Москва.

Товарищ Крокодил!

Хорошо поступает заведующий отделом культуры измайловской областной газеты «Придунайская правда» тов. Матюшонок, что учится у центральных газет. Так сказать, заимствует опыт. И нужно сказать, делает в этом направлении большие успехи.

Прочти его статью «Только слова» в газете за 10 марта. Здорово написано! И заголовок хорош, и слог прекрасный, и тема актуальна. Такое произведение не стыдно опубликовать в какой-нибудь центральной газете.

Впрочем, одна центральная газета уже опубликовала, «Комсомольская правда». Разверни газету от 9 января, и ты увидишь точно такую же статью, как в «Придунайской правде» за 10 марта. И заголовки—близнецы, и текст почти весь совпадает. Только подписи в конце разные. Оно и понятно: не станет же Матюшонок печатать в своей газете статьи за чужой подписью. Интересней за своей.

Л. МЕДВЕДКИН,

отв. секретарь газеты «Лиманская правда»

Измайловская область.

Уважаемый Крокодил!

С глубоким прискорбием извещаю, что тов. Тимофеева, секретарь Демянского райкома ВЛКСМ, проявляет огромный интерес к литературе. Самый факт, что руководитель районного комсомола увлекается чтением, весьма огромен. Но беда в том, что тов. Тимофеева любит оставлять у себя взятые в библиотеке нашего парткабинета книги и журналы.

На моё деликатное напоминание тов. Тимофеева авторитетно указала мне, что в её лице я имею дело не с мальчиком или девочкой. Из этого я сделала вывод, что юные читатели, считающие своим долгом возвращать в библиотеку книги, идут по скользкому пути.

Прошу сообщить мне, правильный ли вывод я сделала.

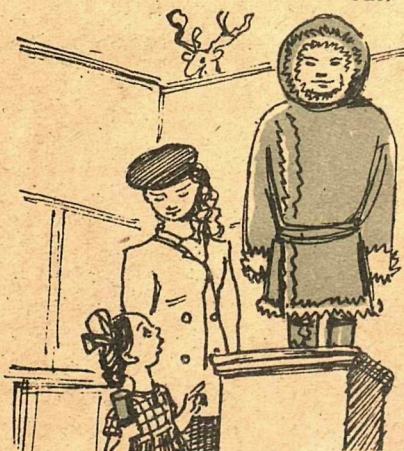
А. СМЕРНОВА,

завбиблиотекой при парткабинете

г. Демянск,
Новгородской области.

В ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ МУЗЕЕ

Рис. А. Кажевского

— А это, деточка, эскимос,
— Почему же он не на палочке?

— Мама, а почему эта тётя не вся в клетке?

СТИЛЬНОЕ ТОПЛИВО

Картина рисуется примерно так:

Некто Хомут был переброшен из Донбасса на работу в другой город. Осмотревшись на новом месте, Хомут вспомнил бывших сослуживцев, вспомнил тех, кто способствовал его продвижению. И свои пылкие чувства излил в телеграммах:

«Сталино Донбасс

Донбассшахтострой Любомирскому

Могу вам лично закупить стильную спальню столовую также руководству главка стоимость спальни 8 тысяч столовая 10 тысяч оплата наличными молнируйте перевод денег

Хомут».

Учитывая особую важность своей депеши, Хомут отправил её с меткой «топливная», с тем чтобы она дошла по назначению без каких-либо задержек.

Вслед за этой телеграммой Хомут отправил в тот же адрес в Донбассшахтострой Колтогяну ещё одну «топливную» телеграмму:

«Командируйте агента нарочным получение двух пишущих машинок вам приёмник лично переведите мне пять тысяч закупок вам лично молнируйте мне Хомут».

Всё в этих телеграммах предельно ясно. Непонятно только, почему телеграммы «топливные», если речь идёт о приёмнике, о стильной мебели.

Может быть, услужливый Хомут хотел показать, что он горит на работе, как самое высококачественное топливо?

Б Д И

23 мая воронежская областная газета «Коммуна» напечатала статью «В резиденции прусских королей». В статье сказано:

«В результате Семилетней войны прусские войска, наголову разбившие Фридриха II, вошли в Берлин...»

Читатели «Коммуны», в отличие от редакции этой газеты, знают, конечно, что в упомянутой войне Фридриха II разбили не прусские, а русские войска. Они же вошли и в Берлин.

Нельзя не поразиться дальновидности Козьмы Прутков, который почти сто лет назад, предвидя, что воронежскую «Коммуну» будет редактировать тов. Догадаев, не без оснований упорно советовал: «Бди!»

